

УИЛЬЯМ ГЕНРИ
ХАДСОН

ПУРПУРНАЯ
ЗЕМЛЯ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
X 14

William Henry Hudson
THE PURPLE LAND

Перевод с английского Александра Глазырина

Серийное оформление и оформление обложки
Владимира Гусакова

Хадсон У. Г.

X 14 Пурпурная Земля : роман / Уильям Генри Хадсон ; пер. с англ. А. Глазырина. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 416 с. — (Настроение читать).

ISBN 978-5-389-30485-7

Уильям Генри Хадсон — англо-аргентинский писатель, ученый-натуралист, орнитолог. Как беллетрист завоевал известность несколькими самобытными, остросюжетными романами и повестями, действие которых происходит в Южной Америке. Среди художественных произведений Хадсона «Пурпурная Земля» (1885) — признанный шедевр, который Джон Голсуорси назвал лучшим плутовским романом в английской литературе за последние сто лет, а Хорхе Луис Борхес сравнил с «Одиссеей». Борхес отмечал, что «вопреки обильно проливаемой крови и разлукам героев, „Пурпурная Земля“ — одна из немногих счастливых книг на свете».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© А. А. Глазырин, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-30485-7

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

Это сочинение впервые было опубликовано в 1885 году в издательстве Сэмпсона Лоу в виде двух небольших томов под более пространным и для большинства читателей загадочным названием «Пурпурная Земля, Утраченная Англией». Пурпурную землю можно найти едва ли не в любом регионе земного шара, но ведь мы повсюду, кажется, ведем счет своим приобретениям, а не потерям. Немногочисленные отклики на книгу появились в газетах, одно или два из более серьезных литературных изданий поместили рецензии (неблагоприятные) в разделах «Путешествия и география», но читающая публика не проявила особого интереса, книга не раскупалась и очень скоро была предана забвению. В забвении она и оставалась в течение следующих девятнадцати лет — и могла остаться навеки, поскольку погрузившиеся в сон книги вообще имеют склонность уже никогда не просыпаться, если бы некоторые имеющие отношение к литературе люди, которые отыскивали ее в гряде забвенного старья и которым она полюбилась, несмотря на ее недостатки или благодаря оным, не взяли на себя труд вернуть ее к жизни.

Часто говорят, что автор навсегда сохраняет особую привязанность к своей первой книге, и чувство это сравнивали (и не раз) с чувством, которое родитель испытывает к своему первенцу. Я бы так не сказал, но, давая согласие на это переиздание, я рассудил, что раннее или в свое время недооцененное произведение писателя может пережить второе рождение, если сам автор не стоит в стороне и готов сделать кое-какую правку. Может ведь случиться и так, что в нужный момент автор отсутствует, совершая то путешествие, из которого возвращения ожидать не приходится. Потому-то, показалось мне, будет лучше, если второе издание выйдет под моим собственным наблюдением — это позволит мне удалить хотя бы некоторые из многочисленных пятнышек и прыщиков, украшающих бесхитростную физиономию моего произведения, прежде чем отдать его на суд потомков.

Помимо множества мелких языковых поправок и словесных замен, удаления одних абзацев и вставки других, я целиком исключил одну главу, содержащую историю Пегой Лошади, — недавно она была переиздана в составе другой моей книги, которая называется «El Otbi». Я выбросил также громоздкое предисловие к предыдущему изданию, сохранив только, в виде приложения, историческую его часть, ради тех моих читателей, которым интересно будет узнать несколько фактов из истории земли, утраченной Англией.

У. Г. Х.

Сентябрь 1904

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА

Всяческого одобрения заслуживает предпринимаемое ныне отдельное издание «Пурпурной Земли». Хотелось бы, конечно, чтобы издание это было более представительным и включало «El Otibi», а еще такие замечательные книги, как «Праздные дни в Патагонии» и «Натуралист в Ла-Плате», в которых птицы и мелкие зверьки Аргентины так живо предстают перед читателем, что после чтения он чувствует, что так же хорошо с ними знаком, как с издавна ему известными живыми существами из песен и сказок Старого Света.

Творчество Хадсона имеет большое и непреходящее значение. Он сочетает бесценный дар наблюдательности с бесценным даром настолько живого изображения всего того, что ему пришлось наблюдать, что другие тоже будто бы видят это воочию. Он — один из очень немногих людей — в число их входят Найт, автор «Полета сокола», и еще Каннингем Грэм, — кто оказался способен не только глубоко прочувствовать и оценить первозданную живописность южноамериканской жизни в старые времена, но и отобразить ее так, как ее следует отображать. Его сочинения принадлежат к тому очень немногочисленному разряду книг, которые заслуживают на-

зываются настоящей литературой. Для людей культурных, но любящих жизнь под открытым небом и обладающих вкусом к приключениям и ко всему живописному, эти книги — явление. Герман Мелвилл для китобоев Южных морей, Ракстон для трапперов Скалистых гор сделали то же, что Хадсон сделал для гаучо. Он выводит перед нами диких всадников пампы, как Гоголь — диких всадников степей. А кроме того, он изображает жизнь птиц и зверей так же, как в странах более цивилизованных ее изображали Уайт из Селборна и Джон Берроуз. Люди, лошади, скот, птицы — все обитатели бескрайнего моря трав знакомы ему и близки. Мы видим тяжелую, грубую работу наездников и грубые их развлечения, видим длинный, низкий, белый дом владельца большого ранчо, одиноко стоящий под одиноким деревом омбу, видим убогие лачуги, где живут наездники-рабочие, и убогие питейные заведения, где они кушают. Мы видим индейцев, которые встают на неоседланные спины своих лошадей, чтобы оглядеть округу поверх волнующихся султанов высокой густой травы; и мы слышим наводящий ужас хорал — ночную песнь огромной, похожей на дрофу, водяной птицы (этот вид не известен нигде в северных странах). Он повествует о лютых и кровавых беззакониях гражданской войны. И прежде всего, он дает нам почувствовать все великолепие и всю бесконечную затерянность страны, где идет эта исполненная страсти жизнь.

Теодор Рузвельт

Сагамор Хилл,
14 августа 1916

ГЛАВА I

Прогулки по новейшей Трое

Три главы в истории моей жизни — три периода, совершенно особенных, четко очерченных и к тому же непосредственно следовавших один за другим — начало первого относится ко времени, когда мне не сравнялось еще двадцати пяти лет, а последний завершился до тридцати, — так, вероятно, и останутся самыми богатыми на события за всю мою жизнь. До самого моего конца они чаще всего будут вновь приходить мне на память и видеться ярче и живее, чем все остальные годы существования — чем те двадцать четыре, что я прожил ранее, и те, скажем, сорок или сорок пять — надеюсь, их может оказаться и пятьдесят, а то и шестьдесят, — которые за ними последовали. Есть ли хоть одна душа, которой хотелось бы оставить этот полный чудес, многоликий мир, не дожив до девяноста? Мрак мира и его свет, сладость его и горечь равно внушают мне любовь к нему.

О сути первого из этих трех можно сказать без долгих слов. Это был период ухаживания и женитьбы; и хотя переживания мои казались мне тогда чем-то совершенно новым и на свете небывалым, они тем не менее, конечно, походили на то, что переживают все остальные люди, с тех пор как они

завели обычай вступать в брак. А последний период, который был самым длинным из трех и занял целых три года, не описать словами. Это была одна сплошная черная беда. Три года насильственного разлучения и невероятных мук, которые разъяренный отец, благодаря жестокому закону страны, имел право причинять своей дочери и мужчине, который дерзнул сочетаться с ней вопреки его воле. Человека благоразумного, и того притеснения могут свести с ума; а для меня, который никогда не отличался благоразумием, но жил, обуреваемый и ведомый страстями и иллюзиями, и безмерной самонадеянностью юности, каково это должно было оказаться для меня, когда нас безжалостно оторвали и удалили друг от друга; когда меня бросили в тюрьму, и я долгие месяцы делил общество негодяев-уголовников, неотступно думая о ней, той, что так же всеми оставлена и чье сердце так же разбито! Но и этому настал конец — ненавистному заключению, тревоге, бесконечным мыслям о тысячах возможных и невозможных способов отмщения. Если можно найти какое-то утешение в сознании того, что, разбив ее сердце, он в то же время разбил и свое собственное и поспешил соединиться с ней в том же безмолвном убежище, я это утешение нашел. Ах нет! Нет мне успокоения, потому что я не могу не думать о том, что прежде, чем он разрушил мою жизнь, я сам разрушил его жизнь, отобрав у него ту, которая была его божеством. Теперь мы квиты, и я могу сказать даже: «Мир праху его». Но тогда, в неистовстве и скорби, я сказать этого не мог, и не могло это быть сказано в той роковой стране, в которой я обитал с мальчишеских лет, которую научился любить

как свою родину, и с которой надеялся никогда не расстаться. Потом я ее возненавидел, а бежав из нее, однажды вновь увидел себя на этой Пурпурной Земле, где когда-то мы вместе нашли пристанище, и которая моему расстроенному рассудку предстала теперь обителью радостных и мирных воспоминаний.

В месяцы наставшего после бури спокойствия, проведенные большей частью в одиноких прогулках по побережью, эти воспоминания все чаще и чаще приходили ко мне. Иногда, сидя на вершине того огромного одинокого холма, который и городу дал имя, я часами, на этом широком просторе, словно бы пристально всматривался внутрь самого себя, как если бы я мог там увидеть — и зрелище это никогда не могло мне наскучить — все, лежащее там, вдали, за здешними пределами: равнины и реки, и леса, и холмы, и хижины, в которых мне приходилось отдыхать, и множество милых человеческих лиц. Даже лица тех, кто дурно со мной обошелся или желал мне зла, моим нынешним глазам представляли вполне дружелюбными. А более всего думалось мне о той славной реке, незабвенной Йи, о стоящем в тени белом домике на окраине маленького городка и о печальном и исполненном красоты облике той, кому я — увы! — принес несчастье.

Ближе к концу этого периода бездеятельности я был настолько поглощен воспоминаниями, что, помнится, незадолго до того, как я покинул эти берега, ко мне явилась мысль, не пережить ли мне все это вновь сейчас, во время случившегося в моей жизни интервала тишины, и не записать ли историю моих скитаний, чтобы в будущем другие могли ее прочесть. Но я не предпринял такой попытки

ни тогда, ни спустя еще много лет. И я снова стал, пусть не сразу всерьез, обращаться к этой идее не раньше, чем что-то пробудило меня от моего тогдашнего состояния — а я ощущал себя в то время человеком, как бы уже пережившим свою способность к действию, невосприимчивым более к новым чувствам и находящим пищу в одном только прошлом. И эта новизна, так на меня повлиявшая, что я вмиг снова стал самим собой, бодрым, жаждущим действия, была не чем иным, как одним только случайным словом, долетевшим издали, мольбой одинокого сердца, нечаянно донесшейся до моего слуха; и, услышав ее, я почувствовал себя как человек, который открыл глаза, очнувшись от беспокойной дремоты, и вдруг увидел неземное сиянье утренней звезды над широкой, погруженной во мрак равнины, где ночь застигла его, — звезды наступающего дня и бессмертной надежды, и страсти, и борьбы, и тяжелого труда, и покоя, и счастья.

Нет нужды подробно описывать события, приведшие нас в Banda, на Берег — наше ночное бегство из летнего дома Пакиты в пампе; скрытное пребывание в столице и негласно заключенный там брак; последующий побег на север, в провинцию Санта-Фе, и там семь-восемь месяцев довольно тревожного счастья; наконец, тайное возвращение в Буэнос-Айрес ради того, чтобы найти корабль, на котором мы могли бы покинуть страну. Тревожное счастье! О да, и тревожней всего мне было, когда я смотрел на нее, подругу моей жизни, когда мне казалось, что прекрасней ее нет, такая она была тоненькая, такая изящная, с ее темно-синими глазами — фиалками, с ее шелковистыми черными волосами и нежным,

розовым и оливковым, цветом лица — воплощение хрупкости! И я забрал ее — похитил ее — у ее естественных покровителей, из ее дома, где пред нею преклонялись, — я, человек чужой расы и другой веры, без средств и, поскольку я ее похитил, преступник в глазах закона. Но довольно об этом. Я начинаю описание своего странствия в момент, когда, оказавшись в безопасности на борту нашего маленького суденышка и глядя на башни Буэнос-Айреса, быстро исчезающие из вида на западе, мы наконец почувствовали, как мрачные опасения нас оставляют, и предались мечтам о радостях, ожидающих нас впереди. Но тут ветер и волны помешали нашим восторгам; оказалось, что Пакита — очень неважный моряк, и в течение нескольких часов нам пришлось очень несладко. На следующий день задул благоприятный северо-западный бриз, мы птицей пронесли над злобными багряными валами и ввечеру сошли на берег в Монтевидео, граде спасения. Мы направились в гостиницу и несколько дней прожили там очень счастливо, зачарованные обществом друг друга; и когда мы выходили пройтись по взморью, чтобы посмотреть, как заходит солнце, и, потрясенные зрелищем мистически пламенеющих небес, и воды, и огромного холма, давшего имя городу, вспоминали, что по направлению нашего взгляда лежат берега Буэнос-Айреса, каким наслаждением было сознавать, что широчайшая в мире река катит свои воды между нами и теми, кто, вероятно, чувствовал себя оскорбленным тем, что мы совершили.

Этому прелестнейшему положению дел в итоге все же настал конец — и довольно необычным образом. Как-то ночью — мы к тому времени жили

в гостинице около месяца — я лежал в постели, но бодрствовал. Было поздно; мне только что слышался унылый, протяжный голос ночного сторожа, выкликающего под окном: «Половина второго, туман».

Жиль Блаз рассказывает в своей биографии, как однажды ночью, лежа без сна, он ни с того ни с сего занялся самоанализом — вещь, вообще-то, ему вовсе несвойственная, — и пришел к выводу, что он — не слишком-то хороший молодой человек. Той ночью я тоже испытывал нечто подобное, как вдруг, посреди моих нелестных для меня самого раздумий, я понял по глубокому вздоху Пакиты, что она тоже лежит без сна и тоже, по всей вероятности, погружена в раздумья. Когда я спросил ее, в чем причина этого вздоха, она тщетно попыталась было скрыть от меня, что начинает чувствовать себя несчастной. Какой страшный удар нанесло мне это открытие! Мы же совсем недавно поженились! Но как это похоже было на Пакиту: тут же сказать, что не женись я на ней, она бы чувствовала себя еще более несчастной. Однако бедное дитя не могло не думать об отце с матерью; ее истомила мечта о примирении с ними, и нынешнее ее горе выросло из убеждения, что они никогда, никогда, никогда не смогут простить ее. Я попытался, пустив в ход все красноречие, на какое был способен, развеять эти мрачные мысли, но она была тверда в своем убеждении, что так оно есть и никак иначе: ведь именно потому, что они так сильно ее любили, они никогда и не извинят ей этой первой огромной обиды. Когда она так сказала, я подумал, уж не вычитала ли это моя милая бедняжка в «Кристабели»: что рана, нанесен-

ная сердцу теми, кого оно глубже всего любило, сильнее всего и саднит. Затем, в качестве иллюстрации, она рассказала мне о ссоре между своей матерью и ее до того нежно любимой сестрой. Это случилось очень давно, когда она, Пакита, была еще совсем ребенком, но сестры с тех пор так и не простили друг друга.

— И где же, — спросил я, — находится эта твоя тетя, о которой до сей минуты я от тебя ни разу не слышал?

— Ах, — отвечала Пакита с величайшим, какое только можно вообразить, простодушием, — она покинула нашу страну очень-очень давно, и ты никогда о ней не слышал, поскольку у нас в доме не разрешалось даже упоминать ее имя. Она уехала жить в Монтевидео, и я уверена, она все еще там, несколько лет назад я от кого-то слышала, что она купила себе дом в этом городе.

— Сердце мое, — сказал я, — я вижу, ты в душе и не покидала Буэнос-Айреса, даже чтобы составить компанию твоему бедному мужу! И все же я совершенно точно знаю, Пакита, что, разговаривая со мной в этот самый миг, телом ты сейчас именно в Монтевидео.

— И правда, — сказала Пакита, — я как-то призабыла, что мы как раз в Монтевидео. Мысли у меня как-то спутались; может быть, я уже начинала засыпать.

— Клянусь, Пакита, — ответил я, — завтра, прежде чем сядет солнце, ты должна увидеться с этой своей теткой; и я положительно уверен, милочка, что ей будет чрезвычайно приятно принять такую близкую и красивую родственницу. Как она будет

рада такой возможности порассказать об этой старой ссоре с сестрой и освежить свои заплесневелые обиды! Знаю я этих старых дам — все они одинаковы.

Сперва Пакита была от этой идеи не в восторге, но, когда я убедил ее, что деньги наши подходят к концу и что, не исключено, ее тетка окажется в состоянии помочь мне получить какую-нибудь работу, она согласилась, как и положено послушной своему долгу маленькой жене, какой она и была.

На другой день я отыскал ее родственницу без особых хлопот; Монтевидео — город небольшой. Мы нашли донью Исидору — ибо таково было имя этой леди — живущей в довольно убогом домике на самом краю города, на его восточной окраине, наиболее удаленной от воды. Вокруг уж слишком веяло нищетой для места, где обитает приличная дама; но хотя она имела вполне достаточно средств, чтобы устроиться со всеми удобствами, видимо, собственное богатство ее обременяло. Тем не менее она приняла нас очень радушно, когда мы представились и рассказали нашу печальную и романтическую историю; тут же была приготовлена комната, в которой мы могли поселиться, и она даже дала мне какие-то неопределенные обещания оказать поддержку. При более тесном знакомстве с нашей хозяйкой выяснилось, что я был не так уж далек от истины в своих догадках о ее характере. В течение нескольких дней она не могла говорить ни о чем ином, кроме как о достопамятной ссоре со своей сестрой и с мужем своей сестры, и нам приходилось внимательно ее слушать и выказывать ей сочувствие, поскольку нам нечем было больше отплатить

ей за ее гостеприимство. Пакиита всем своим существом погрузилась в эту историю, но так и не могла разобраться в причинах этой застарелой междоусобицы, поскольку, хотя донья Исидора, несомненно, и пестовала свое негодование все эти годы, не давая ему остынуть, она, хоть убей, была не в силах вспомнить, с чего же ссора началась.

Каждое утро после завтрака я целовал Пакииту и препоручал ее нежному попечению матушки Исидоры, а затем предавался бесплодным блужданиям по городу. Сначала я просто разыгрывал любопытствующего иностранца из тех, что курсируют, глядя на общественные здания, а то увлекаются собиранием каких-нибудь галек замысловатой формы и диковинной пестроты или армейских медных пуговиц, которые в давние дни срывали с мундиров и обращали в превосходные пули, теперь же они, окислившись и потерявшие форму, служат сувенирами в память о бессмертных временах девяти-, не то десятилетней осады, благодаря которой Монтевидео заслужил скорбное прозвание современной Трои. Когда же я полностью обследовал с внешней стороны сцену моих будущих триумфов — поскольку я принял решение осесть тут и попытать судьбу в Монтевидео, — я всерьез приступил к поискам занятия. Я по очереди посетил не только все имевшиеся там крупные торговые предприятия, но и практически каждое заведение, где, как казалось, мог быть шанс, что для меня высветится какое-то дело. Было необходимо с чего-то начать, и я не собирался воротить нос от любого поприща, пусть даже незначительного; я очень сильно страдал от своего положения человека бедного, праздного и зависимого.

Но я ничего не мог найти. В одном месте мне сказали, что город еще не оправился от последствий последней революции и что, как следствие, деловая жизнь находится в состоянии полного паралича; в другом — что город находится накануне революции и что вследствие этого деловая жизнь находится в полном параличе. И повсюду была одна и та же история — политическая ситуация в стране не оставляла мне возможности честно заработать хотя бы доллар.

И вот как-то, чувствуя себя совершенно подавленным и уже едва не до дыр стерев подметки башмаков, я присел на скамью у моря или, если угодно, у реки — одни называют так, другие этак это мутного оттенка, но веющее свежестью водное пространство; географы так и не высказались с определенностью, оставив нас терзаться сомнениями — расположен ли Монтевидео на берегах Атлантики или только поблизости от Атлантики, но на берегах реки, достигающей в устье ширины в сто пятьдесят миль. Но эта проблема меня вовсе не беспокоила; были предметы, куда ближе меня касающиеся, о которых следовало поразмыслить. Я был в ссоре с этой «Восточной нацией», и это куда больше меня занимало, чем то, какого именно зеленого оттенка и какой степени солености воды безбрежного эстуария, омывающего грязные подошвы своей королевы, — ибо эта современная Троя, этот город сражений, убийств, внезапных смертей, именуется также Королевой Ла-Платы. То, что это была именно ссора, я со своей стороны был совершенно убежден. Вражда к любому человеческому существу, которое так жестоко мною помыкало, стала отныне моим руко-

водящим принципом. Не стоит говорить, что это принцип нехристианский; ведь на самом деле, когда меня ударяли по правой ли, левой ли щеке (а боль совершенно одинаковая в любом случае), то, пока я собирался с духом нанести ответное оскорбление, часто проходило столько времени, что все гневные или мстительные мысли улетучивались. Я ратую в подобном случае скорее за общественное благо, чем за собственное удовлетворение, и я, следовательно, прав, называя мой движущий мотив принципом действия, а не просто порывом. И что еще очень ценно, принцип этот бесконечно более эффективен, чем фантастический кодекс дуэлянта, благоприятствующий лицу, нанесшему оскорбление, и предоставляющий ему возможность убить или изувечить лицо, им оскорбленное. Это оружие, изобретенное для нас Природой задолго до появления на свет полковника Кольта, и оно имеет то преимущество, что его позволено носить любому как в сугубо законопослушном сообществе, так равно и среди рудокопов или обитателей лесной глуши. Как только люди безобидные переставали к нему прибегать, люди злонамеренные поворачивали все по-своему и делали жизнь невыносимой. К счастью, злодеи всегда испытывают страх перед этим нематериальным шестизарядником, на них направленным; именно это благотворное чувство обуздывает их лучше доводов разума или формального правосудия, и именно ему мы обязаны тем, что кротким дано наследовать землю. Но тут я оказался в ссоре с целой нацией, пусть, правда, и не слишком многочисленной, поскольку население Восточного Берега, *Banda Oriental*, насчитывало не более четверти миллиона человек.

И в этой редконаселенной стране с ее плодородной почвой и мягким климатом, со всей несомненностью, не было места для меня, молодого мужчины, крепкого физически и, по совести говоря, не обиженного умом, который просил только о том, чтобы ему позволили зарабатывать себе на жизнь! Но как мне было достучаться до них, чтобы они осознали эту несправедливость? Я просил у них яйцо, а они совали мне в руку скорпиона, но как мне было сделать так, чтобы этот скорпион ужалил каждого из тех, кто составлял эту нацию? Я был бессилен, совершенно бессилен покарать их, мне оставалось единственно всех их проклинать.

Мой блуждающий взгляд то и дело останавливался на знаменитом холме по ту сторону залива, и вдруг я решил подняться на его вершину и, глядя вниз на Banda Oriental, произнести свое проклятие в манере, самой торжественной и выразительной.

Экспедиция на так называемый *cerro* оказалась довольно приятной. Несмотря на чрезвычайную для этого времени года жару, множество диких цветов цвело на его склонах, превращая его в великолепный сад. Достигнув руин старого форта, венчающего вершину, я взобрался на стену и с полчаса отдыхал, овеваемый свежим бризом и поистине наслаждаясь зрелищем раскинувшейся передо мной панорамы. Я не упускал из виду серьезную цель моего восхождения на эту господствующую высоту и желал только, чтобы проклятие, которое я готовился произнести, обрушилось бы, как громадный утес, сорвавшийся со своего основания, низверглось, подскакивая, к подножию горы, перемахнуло прямо через залив и, грохнувшись в ненавистном городе,

прокатилось до самых его пределов, наполняя его руинами и ужасом.

— В какую сторону ни гляну, — сказал я, — везде передо мною одна из прекраснейших обителей, сотворенных Господом для человека: бескрайние равнины, благоденствующие среди нескончаемой весны; вековые леса; прекрасные стремительные реки; гряды голубых холмов, протянувшиеся к туманному горизонту. Прекрасны эти склоны, а за ними на много лиг вокруг дремлет под сияющим солнцем радующая глаз пустыня, где дикие цветы расточают сладкий аромат, где плуг никогда не бороздил плодородную почву, где олени и страусы бродят, не страшась охотника, и надо всем этим простирается голубое небо, чью совершенную красоту не пятнает ни единое облачко. И люди, пребывающие в сем городе — а он — ключ к континенту, — обладатели всего этого. Все это им принадлежит с тех пор, как право владенья даровано им мирозданием, величье коего объять не в силах, гаснет утомленный разум. И что же сделали они с этим своим наследством? И вот хоть сейчас — что они с ним делают? Они уныло сидят по домам или стоят при входе в свои жилища, руки их сложены, на лицах — тревожное ожиданье. Ибо грядут перемены: собирается буря. И это не какие-то изменения в атмосфере: никакой пагубный самум не промчится над их полями, никакой вулкан своим извержением не затмит хрустальную чистоту их небес! Андские города содрогнутся до основания от землетрясений, неизвестных доселе и недоступных предвиденью. Грядущие перемены и бури будут политическими. Заговор созрел, кинжалы наточены, нанят отряд убийц, и трон,

УИЛЬЯМ ГЕНРИ ХАДСОН ПУРПУРНАЯ ЗЕМЛЯ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская

Художественный редактор Владимир Гусakov

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Людмила Дубовая, Ольга Золотова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.09.2025.

Формат издания $76 \times 100 \frac{1}{32}$. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-NAM-39655-81-R